

С. И. АНИЧКОВА

БАРОНЕССА ТАУБЕ

ЗАГАДКА

ПЕНИНА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЕДАКТОРА

1917–1926

София Аничкова

**Загадка Ленина. Из
воспоминаний редактора**

«Кучково поле»

1935

УДК 82-94
ББК 63.3(2)61

Аничкова С. И.

Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора / С. И. Аничкова —
«Кучково поле», 1935

ISBN 978-5-9950-0682-4

Впервые в России публикуются воспоминания С. И. Аничковой (баронессы Таубе), журналистки и писательницы, волею судеб оказавшейся в самом центре общественной и культурной жизни постреволюционной России. Устраивая на фабриках Петрограда, в провинции и у себя на дому литературные вечера, она постоянно общалась не только со своим коммунистическим начальством, сослуживцами и учениками студий – рабочей молодежью, но также с крестьянами, хлынувшими из голодных деревень в строительные артели города. Ее яркие зарисовки картин и настроений пореволюционного быта, получивших отражение в том числе в популярных среди населения советских и антисоветских частушках, анекдотах, стихах, в злободневных экспромтах известных поэтов, передают атмосферу тех лет, позволяют прибавить запоминающиеся штрихи к характеристике советских правителей.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-9950-0682-4

© Аничкова С. И., 1935
© Кучково поле, 1935

Содержание

Об авторе	6
От автора	7
I. Пробуждение в новом мире	9
II. Самосуды и настроения	11
III. Первый визит в Смольный	13
IV. Тибетский талисман и нитка жемчуга	16
V. «Террор испытали бы на собственной шкуре»	18
VI. «Убивайте и детей, и стариков»	21
VII. «Революционная справедливость»	23
VIII. Я поступаю на фабрику	25
IX. «Поставить вверх ногами»	28
X. «Можете спокойно работать»	31
XI. Я получаю командировку к Ленину	33
XII. Ночь tête-à-tête с неизвестным	35
XIII. «Я в Союзе то же, что Ильич»	37
XIV. Чекистский «стиль»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

София Аничкова
Загадка Ленина. Из
воспоминаний редактора

© ООО «Кучково поле», 2016

* * *

Об авторе

София Ивановна Аничкова (по мужу баронесса Таубе; 1881–1957), поэтесса, писательница, издательница, журналистка, мемуаристка, родилась в Харькове. Получив из-за слабого здоровья «самое поверхностное» образование, восполняла его пробелы чтением. Два года вела унаследованное коммерческое предприятие. Рано увлеклась литературным творчеством. Уже в четырнадцать лет печаталась в журнале «Шут», а в восемнадцать она издала первую книгу – комедию в стихах «Страсть и разум. Супруги» (1906). Эта и другие ее пьесы («Интеллигентная прислуга» и «Союз недовольных») были поставлены в Петербурге и Москве. Затем последовали сборник стихотворений «Три пути» (1907) и книга «Рассказы. Эликсир бессмертия». Первые шаги в литературе были одобрены В. П. Бурениным и Н. Г. Михайловским. Аничкова сотрудничала в газете «Новое время», где появился ее рассказ «Когда смертные станут бессмертными», близкий по замыслу к антиутопии Евгения Замятина «Мы» (рассказ Аничковой был напечатан семью годами ранее замятинского), редактировала журналы «Весь мир» (до 1919), «Алтын», «Сказки жизни» и др. Участвовала в кружке К. Случевского. Была хозяйкой Петербургского литературного салона, где бывали Н. Гумилев, Г. Иванов и др. Ее салон притягивал многих литераторов отчасти и потому, что туда можно было прийти без приглашения в любой день недели. В 1910 году написала книгу «Преступление или безумие? Воспоминания об Андрее Гилевиче». Сотрудничала в изданиях «Свет», «Шут» (1902–1910), «Новое время» (1904–1916), «Ежемесячные сочинения», «Север», «Россия», «Аргус», «Огонек» (1918), «Новые искры», который редактировала в годы Гражданской войны.

Аничкова вышла замуж за балтийского барона, морского офицера Эммануила Николаевича Таубе (1882–1961). Благодаря связям мужа стала поставщицей портретов высочайших особ для российского флота. Весной 1926 года вместе с мужем эмигрировала в Прагу, где Эммануил Таубе работал учителем русского языка в чешских школах. Здесь Аничкова (Таубе) опубликовала поэтический сборник «Бесконечность – без мгновенья» (1928), воспоминания «Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора» (1934); «Счастье человека: Стихи и рассказы» (1930). В 1928 году в Париже издала «Записки молодящейся старухи». В 1940-е годы работала над романом «О чем тоскует мир», оставшимся неопубликованным. Писала письма в стихах. С 1949 года жила в Париже. Оставила воспоминания об адмирале Бирилеве (Морские записки. Нью-Йорк. 1953. Т. 11. № 1\2. С. 42–44). Умерла в Монморанси под Парижем, похоронена на местном кладбище.

От автора

Множество появившихся за последние годы мемуаров, написанных русскими эмигрантами или побывавшими в СССР иностранцами, дали читателям такие яркие картины ужасов революции и ГПУ¹, что говорить об этом – значило бы повторять сказанное.

Мои воспоминания – опубликование которых полностью не представлялось по некоторым соображениям, возможным тотчас по моем прибытии на чужбину, – носят иной характер: с первых встреч моих с представителями советской власти я задалась целью изучить ее природу не по пристрастной оценке идейных врагов и даже не по своим личным наблюдениям, а по ее собственным словам.

Второй моей задачей являлась зарисовка картин и настроений пореволюционного быта, получивших яркое отражение в бесчисленных, популярных среди населения советских, анти-советских и антисемитских частушках, песенках, анекдотах и стихах, а также в злободневных экспромтах известных поэтов.

Ряд счастливых случайностей, позволив мне вращаться среди лиц самых разнообразных общественных кругов и профессий, открыл передо мною в указанном направлении и исключительные возможности.

Революция застала меня председательницей общества «Жизнь и этика», сотрудницей газеты «Новое время» и ряда других изданий, редактором самого большого и распространенного в России литературно-художественного еженедельника «Весь мир», который я продолжала вести после переворота в течение двух лет. С 1919 года я редактировала издававшийся в Петрограде рабочими Экспедиции заготовления государственных бумаг² аполитичный художественный журнал «Новые искры», с 1921 года руководила там же литературной и драматической студиями и читала популярно-научные лекции в военных клубах.

Одновременно, желая изучить что-либо отвечающее запросам времени, то есть могущее дать более надежный заработок, чем «буржуазная» литература, я поступила в балетную школу одного из балетмейстеров Императорских театров.

Последнее открыло мне доступ в интимный круг артистического мира, позволив прибавить несколько ценных штрихов к характеристике ищущих там «освежения и отдыха» советских правителей.

Последующие до выезда из России годы я устраивала на фабриках Петрограда, в провинции и у себя на дому литературные вечера, имела постоянное общение не только со своим коммунистическим начальством, сослуживцами и учениками студий – рабочей молодежью, но также с крестьянами, хлынувшими из голодных деревень в строительные артели, в одной из которых работал мой муж, бывший офицер (вскоре после февральского переворота вышел в отставку, но с мест, которые ему удавалось получать в советских учреждениях – рабоче-крестьянской инспекции и других, – хронически увольнялся за происхождение).

Еще не чувствовавшие под собой в те дни твердой почвы и поэтому весьма ценившие оставшуюся на своих постах интеллигенцию, более доступные и откровенные, чем в последующие годы, представители власти так же охотно беседовали со мной не только о моих служебных делах, но и на интересующие меня темы (своих взглядов на происходящее в России и осо-

¹ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР было создано в феврале 1922 года в связи с упразднением ВЧК. Возглавил работу нового ведомства государственной безопасности Ф. Э. Держинский. К ГПУ перешли все функции упраздненного ВЧК, за исключением надзора за «соблюдением социалистической законности», для чего в мае 1922 года была создана Прокуратура РСФСР. В ноябре 1923 года, в связи с образованием СССР, ГПУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР, которое действовало до 1934 года.

² Экспедиция заготовления государственных бумаг была основана в Петербурге в 1818 году, занималась выпуском денежных и других государственных знаков, после революции преобразована в предприятие «Гознак».

бенно на террор я не скрывала и своей искренностью отчасти и завоевала доверие тех, с кем мне приходилось говорить о коммунизме), а я, после каждого свидания возможно дословнее записав слышанное, впоследствии передала этот материал за границу при посредстве одного иностранного дипломата.

Свое повествование я начну с февральского переворота и, дабы не повредить оставшимся в России на свободе, в ссылке или в тюрьмах, буду называть лишь имена находящихся ныне за рубежом и умерших, чьи семьи также вне досягаемости большевистской власти.

I. Пробуждение в новом мире

Седьмого февраля 1917 года, около полудня меня разбудил испуганный голос горничной. Накануне у нас состоялся большой литературный вечер, разошлись на заре, и я недоумевала, зачем понадобилось тревожить меня «так рано».

Но горничная, жившая в доме много лет, докладывая, что надо вставать, что в городе началась революция, стала энергично открывать портьеры.

– Страсть что делается! – закончила она. – Говорят господ, особливо офицеров, убивают матросы. Что же теперь с бароном будет? Бежать бы им.

Я вспомнила мимолетные разговоры о революции накануне за ужином, вспомнила, что даже наиболее левый из присутствовавших на вечере писателей Иероним Ясинский³ выразил свои сомнения относительно ее скорого наступления в экспромте:

Как бы из Фета

Дух царит лукавый
Близко и вдали —
Левый или правый
Не видать в пыли.

Дух царит лукавый,
И Азеф вблизи...
Либерал и правый,
Кажется, в связи.

Дух царит лукавый,
Левый – берегись!
Ну-ка, Марков правый,
Крепче навались.

Удивил еще всех сказанным Сергей Городецкий⁴, сборники которого всегда изобиловали патриотическими стихами.

Революция мне не страшна,
Утомлен я бесцветными днями,
А при ней опущусь я до дна
И кровавыми вспыхну огнями.

Но на этом и закончились разговоры о революции. Тому, что в эту ночь мы правили тризну по старому миру, не поверил бы никто.

Чтобы проверить слова горничной, я хотела позвонить мужу на службу, в Новую Голландию⁵, но телефон уже бездействовал, и я вынуждена была послать за справками лакея к знакомым, имевшим непосредственное отношение к военному управлению Петрограда.

³ Как известно, впоследствии, первым из писателей примкнул к коммунистам, был торжественно доставлен в Зимний дворец комиссаром народного просвещения Луначарским и назван им «Симеоном Богоприимцем революции». Позже редактировал журнал «Красный огонек», а отыграв свою рекламную роль, был низведен на степень корректора Государственного издательства и, как говорил мне, нуждался даже в продуктах и топливе. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. авт.*

⁴ Играющий и сейчас в Москве видную роль.

⁵ Остров в дельте Невы, первый военный порт России. В годы Первой мировой войны на Новой Голландии располагались

Однако дожидаться известий оттуда мне также не пришлось, потому что мой посланный в пути бесследно исчез, и все предпринятые впоследствии попытки разыскать его, в больничных покойничках – куда свозили убитых, – не привели ни к чему. Его не нашли ни живым ни мертвым.

Одевшись, я поторопилась взглянуть на революцию лично.

День выдался на редкость для Петрограда солнечный и теплый, и хотя со всех сторон доносилась ружейная перестрелка и трещание пулеметов, обслуживаемых засевшими на чердаках городовыми, никак нельзя было представить, что для кого-то эти подхватываемые весенним ветерком звуки несут смерть.

По улицам на украшенных красными флагами грузовиках носились пионеры революции – матросы и бесцельно слонялись, не принимавшие в мятеже активного участия, солдаты с нацепленными на фуражки и в петлицы красными ленточками или просто кусками красной ткани. Особенно запомнился мне молодой солдат егерского полка, на громадной шапке которого виднелась красная бумажная роза, какими принято было в Петрограде украшать пасхальные куличи. Его утрированно-гордый, самодовольный вид еще больше подчеркивал карикатурность украшения, вызывая на лицо невольную улыбку.

Через три дня, когда события успели уже достаточно дезорганизовать жизнь, разослав всех слуг по делам своего общества и журнала, я услышала на черной лестнице звонок и пошла узнать, кто пришел.

– Спасите... спасите... меня ищут, – услышала я прерывающийся шепот за дверьми.

Голос был знакомый, и в нем слышалось такое отчаяние, такая мольба, что я невольно, не рассуждая, открыла дверь, в которую вбежал живший в этом же доме околоточный⁶, не однажды оказывавший мне мелкие деловые услуги.

С искаженным ужасом лицом, пробормотав на ходу: «в доме обыск, меня убьют», он бросился в комнату горничной, куда, закрыв дверь, последовала и я.

Увидав, что он прячется за висащие над сундуком платья, я почти не соображала, что делаю, стала ему помогать, но не успела закончить этого, как на другом конце квартиры, у парадного входа снова раздался звонок. Инстинктивно сообразив, что не открыть – значило бы навлечь на себя подозрение, я впустила звонивших. Их было семеро, и один в солдатской шинели, с револьвером в вытянутой руке, заявил, что они ищут околоточного, и, если он скрыт мной, я разделю его участь.

Выдать искавшего у меня спасения человека, выдать буквально на растерзание, ибо я уже слышала, каким истязаниям подвергались полицейские раньше, чем быть убитыми, у меня не хватило духу, а рассчитывать, что обыск пройдет благополучно, я тоже, конечно, не могла и поэтому, когда часть пришедших направилась к помещению прислуги, считая себя обреченной, осталась на месте, словно прикованная.

Обыск уже давно закончился, появившиеся снова в прихожей люди, сказав мне что-то, ушли, а я все еще продолжала оставаться в состоянии того же столбняка. Потом, поняв наконец, что произошло нечто непредвиденное, бросилась в комнату прислуги, но, к своему великому удивлению, спрятавшегося там околоточного не нашла: по-видимому, сообразив, что оставаться в квартире для него в данный момент опаснее, он бежал по тому же ходу, по которому пришел. Обрадованная, что ему удалось спастись, я направилась в комнаты, где происходил обыск, и... обнаружила исчезновение стоявшей на столе бутылки вина и лежавших возле часов.

Такими трагикомическими событиями началась для меня революция.

различные части и подразделения Балтийского флота, в том числе мощная радиостанция и морская тюрьма.

⁶ Околоточный (околоточный надзиратель) – полицейский чиновник, ведавший околотком, низовой частью полицейского участка, включавшего 3–4 тысячи жителей. Должность околоточного занимали чиновники низшего четырнадцатого класса Табели о рангах.

II. Самосуды и настроения

Первое полугодие, после «февральской» работа моя продолжалась по-прежнему; журнал после краткой заминки, стал выходить аккуратно; члены моего Этического общества собирались ввиду события, у меня на квартире, и, если бы не гремевшая повсюду стрельба и не страшные картины самосудов, нам, еще не пострадавшим, революция не казалась бы особенно грозной.

Но кому пришлось хотя однажды явиться свидетелем этих самочинных расправ черни не только с виноватыми, но и с правыми, у того душа навсегда останется обожженной, тот уже не поверит возможности убить когда-либо в человеке зверя.

Не забыть мне, как озверевшая толпа вела молодого городского к Фонтанке, чтобы утопить его.

Избитый, с окровавленным лицом, на котором даже струящаяся кровь не могла стереть выражение ужаса, он под дикие возгласы своих мучителей срывающимся голосом только выкрикивал:

– Братцы!.. Братцы, не губите... Видит Бог, нету моей вины... Никого не обижал. Братцы!..

Но эти мольбы и предсмертный страх, казалось, еще разжигали ожесточение толпы, и она, отвечая на них побоями и издевательствами, подхватила свою жертву и с улюлюканьем бросила в канал.

Городовой вынырнул, осенил себя крестом, и, вероятно, надеясь, что теперь ему удастся спастись, поплыл, а озлобленная этим еще больше толпа стала бросать в него камнями до тех пор, пока изнемогший, с окровавленной головой, он скрылся под водой.

В другой раз, увлеченной людским потоком, мне пришлось видеть, как утопили в той же Фонтанке юношу-прохожего, приняв его «по ошибке» за бежавшего из соседнего дома вора. Его старания убедить своих палачей, что он не тот, за кого его принимают, и мольбы о пощаде были напрасны.

А когда толпа, расправившись с ним, расходилась, выяснилось, что вор уже пойман и доставлен в комиссариат.

Таковыми картинами изобиловала «бескровная», как называли ее поначалу многие, революция.

И все же она казалась всем явлением временным, и в марте у меня на дому снова состоялся вечер наиболее фешенебельной из петроградских литературных организаций «Кружка имени поэта Случевского»⁷, отличавшихся от предыдущего лишь тем, что на нем значительно больше и уже не в юмористических тонах говорили о «мятеже»⁸. С театра военных действий, где популярность «Всему миру» создал введенный мной отдел «Просьбы с фронта», я продолжала получать от солдат многочисленные письма, содержание которых было разноречиво и иногда представляло интерес для наблюдения за действием агитации на малокультурный мозг.

Так, радиотелеграфист, с которым я вела переписку и который еще недавно прислал мне свои безграмотные, но пламенно патриотические стихи, на этот раз писал:

⁷ Литературный кружок, известный также как «Пятница», объединявших петербургских поэтов, поклонников идеи «чистого искусства». Кружок собирался в 1898–1903 годах два раза в месяц по пятницам на квартире поэта К. К. Случевского и после его смерти в 1904 году продолжал свою деятельность до 1917 года.

⁸ Часть произносимых на этих вечерах экспромтов я привожу дальше; альбом, в который они записывались поэтами, большевики хотели впоследствии реквизировать для литературного отдела Академии наук, но одному из членов кружка удалось сохранить его у себя.

«Вчера у нас был митинг, на котором говорил о капиталистах и народе приезжий оратор и говорил правильно. После этого я стал ленинцем. Вы, наверно, думаете – дурак, а послушали бы его, так тоже поняли бы».

Другой солдат, наоборот, жаловался:

«Кабы хлеба вдоволь, да земли поболее, при царе куда лучше было – порядку больше». Были и забавные письма.

Поместив однажды во «Всемир» во время формирования при Временном правительстве женских батальонов снимок с одного, отправляемого на фронт, я получила от солдат безграмотное укоризненное письмо, в котором они уговаривали меня:

«Не печатать в журнале баб, мешающих воевать сидящим в окопах защитникам отечества, потому бабы вносят в армии такое, что и сказать неудобно, и не так-то выносливы в бою. Надеемся, что не обидите и больше печатать их не будете».

Письмо заканчивалось тридцатью двумя подписями.

На помещенный мною снимок злободневной группы, в которой были Крыленко и Коллонтай, с фронта откликнулись ироническим письмом за двенадцатью подписями офицеры:

«Господин редактор! Увидав в Вашем уважаемом журнале “Весь мир” так много говорящие лица “товарищей” Коллонтай и Крыленко, мы вполне успокоились за судьбы дорогой родины: с такими деятелями она уйдет далеко. Поклонники Ваши, но не их».

Подобных писем я могла бы привести бесчисленное множество.

Однако, разжигая низменные инстинкты народа, агитаторы тогда еще не успели убить в его душе идеалистические понятия, и в хаосе представлений о новых формах жизни были и совсем невинные.

Проводя лето, как обычно, под Петергофом и гуляя однажды в моем саду, я заметила сидящего на скамье неизвестного солдата.

Сад был большой, окруженный высокой решеткой; и до этого, хотя калитка на день не закрывалась на ключ, никому и в голову не приходило врывать в чужие владения.

На обращенный к солдату вопрос, что ему нужно, он спокойно ответил:

– Ничего, товарищ, гуляю, как и вы.

– Но ведь этот сад принадлежит частному лицу, – возразила я, – как же можно было входить сюда без разрешения?

– Сад не может принадлежать никому, потому что он Божий, – очень доброжелательно, но поучительно ответил солдат.

В эти дни, находя момент подходящим, я приступила к давно задуманной мною реорганизации Этического общества, наименовав его, согласно сделанным изменениям, «Новая этика», и 24 октября 1917 года, накануне большевистского переворота, в газетах появилось сообщение о целях организации, в числе которых значилось – «Облегчение нравственных и физических страданий и борьба с жестокостью».

Судя по небывалому количеству полученных мной на этот раз телефонных и письменных запросов заинтересовавшихся обществом лиц, население России в эту пору не чувствовало себя особенно счастливым. Откликнулась не только – как это было до революции – высшая интеллигенция, но и лица самых разнообразных кругов и профессий. Не обошлось и без курьеза: некий, попросивший меня к телефону «товарищ Кольцов» (ныне видный советский журналист), заявив, что крайне интересуется обществом и хотел бы всячески содействовать его успеху, закончил разговор вопросом: «А у вас танцевальные вечера часто будут?»

Но следующий день явился днем октябрьского переворота, и мое общество, как и Россия, было уже обреченным.

III. Первый визит в Смольный

На этот раз недоверие интеллигенции в возможность длительного господства победителей было еще значительнее, чем в дни первой революции, и, когда на стенах домов появились плакаты, извещавшие население Петрограда о новом, возглавляемом Лениным правительстве, никто не сомневался, что власть продержится не более двух дней.

Однако время шло, не принося перемен, надежды на падение власти, возникавшие с каждым новым наступлением белых армий, не осуществлялись, а создаваемые ею невзгоды росли ежечасно.

Так как в те дни большинство учреждений механически еще продолжало функционировать и буржуазная пресса существовала, испытывавшая уже и тогда всевозможные лишения интеллигенция все же продолжала работать.

Власть еще не могла обойтись без нее, и поэтому брошенных в тюрьмы и расстрелянных среди ученых, писателей и других тогда было сравнительно немного.

Из моих близких были арестованы «за саботаж» мой beau-frère (своjak. – *Примеч. ред.*), профессор Петроградского политехнического института и председатель бывшего Императорского аэроклуба⁹, а позже и его жена, принимавшая деятельное участие в жизни этого учреждения. Ей было предъявлено обвинение в содействии «похищения семи аэропланов», на которых несколько летчиков бежало за границу, но, доказав свою непричастность к этому делу, после недельного пребывания на Гороховой, она была освобождена.

«Весь мир» после взятого на его издание (как было предписано властью) нового разрешения продолжал выходить беспрепятственно. Помещая в нем отражавшие злобы дня, сопровождаемые пояснительным текстом снимки, я была в выборе их очень осторожна. Это помогло мне однажды избежать большой опасности для журнала, не приняв от одного из моих иллюстраторов рисунка с выписанным к нему из газеты текстом:

«Отряд красноармейцев, возвращаясь с реквизированным в деревню хлебом, подвергся нападению вооруженных кольями крестьян. Грузовик, въехавший на подпиленный ими зараннее мост, упал, а красноармейцы были перебиты».

Рисунок мне понравился, но опасаясь демонстрацией столь удачного хозяйничанья правительства и отношения к нему крестьян повредить журналу, – я не взяла его, и художник, пошутив, что «редакторы других изданий будут храбрее», направился с ним туда.

Вскоре после этого рисунок действительно появился в «Огоньке»¹¹, но за напечатание его редактор и издатель были арестованы, а журнал закрыт.

В 1918 году, когда начались усиленные реквизиции домашних обстановок и вселения в квартиры, мне впервые пришлось побывать в Смольном.

Во главе жилищного отдела, куда направилась я с просьбой освободить меня как редактора от вторжения в квартиру чужих людей, стоял один из «активно содействовавших революции» матросов.

⁹ Впоследствии после ряда мытарств, пребывания в тюрьме, приговора к расстрелу и тому подобное ему удалось бежать за границу, где он находится и доныне, продолжая свою научную деятельность в Праге.

¹⁰ Неясно, о ком идет речь. Многолетним и бессменным председателем Императорского аэроклуба был граф И. В. Стенбок-Фермор (1859–1916). С началом Первой мировой войны Императорский аэроклуб фактически свернул свою деятельность, и сведений об избрании преемника И. В. Стенбок-Фермора нет. Единственным петербургским профессором, игравшим видную роль в развитии российской авиации, а после революции эмигрировавшим в Чехословакию, был А. П. Фандер-Флит (1870–1941), но он с осени 1917 года жил в Харькове, откуда и бежал за границу.

¹¹ Издание журнала «Огонек» началось в 1899 году в Петербурге как приложение к газете «Биржевые ведомости». В дореволюционные годы «Огонек» был одним из популярных российских иллюстрированных журналов. В июне 1918 года журнал «Огонек» был закрыт, а его издатель С. М. Проппер (1853?–1931) эмигрировал в Германию.

Очень грубый и антипатичный по наружности, он встретил меня крайне недружелюбно, молча выслушал мое дело и внимательно просмотрел предъявленные ему номера журнала.

– Вы понимаете, товарищ, – закончила я свое ходатайство, – что для умственной работы необходимы тишина и некоторые удобства.

Окинув меня неприветливым взглядом, матрос ответил:

– Дело не в этом. Мы тоже нуждались во многом в царское время, да на наши просьбы плевали. Я выдам вам бумагу, освобождающую вас от вселения и реквизиции, только потому, что хоть вы и классовый враг, но к народу и в прежнее время относились хорошо.

И заметив мое недоумение, уже приветливее добавил:

– Я ваш журнал всегда читал и ранее и знаю, что вы печатали в нем и нашего брата, кого в других редакциях и на порог не пушали¹². Таким образом, неожиданно для себя я получила то, чего не имели даже многие «партийные», и беспрепятственно пользовалась своей квартирой и обстановкой до самого выезда из России.

Приблизительно в таких же условиях жил в течение революционных лет и автор «Истории искусств», драматург Гнедич, по распоряжению Луначарского оставленный в своем прежнем помещении в качестве «пожизненного хранителя» принадлежавшей ему же ценной библиотеки.

В квартиру известного нововременского критика Буренина были вселены матросы; обстановка осталась нереквизированной, но получаемого от КУБУ (Комитет по улучшению быта писателей и ученых)¹³ пайка он лишился, когда в одной из советских газет появилась статья журналиста Оль д'Ор, негодующего на получение «антисемитом Бурениным» продуктов.

И все же оба эти писателя являлись еще избранниками судьбы: многим, имевшим обширные помещения и «лишнюю» обстановку, пришлось делиться ими с рабочими, а в дальнейшем и с целыми «прикрепляемыми к местам» цыганскими таборами.

Последнее являлось таким ужасом, что, когда в квартиру одного старого профессора прибыли цыгане со множеством осыпанных насекомыми вороватых детей, он предпочел переселиться со своей семьей в нанятую на окраине города комнату.

В марте 1918 года, когда Петрограду грозило наступление немцев, которых теперь все ждали как спасителей, я была призвана вместе с другими «трудоспособными гражданами» рыть окопы.

Пришлось снова хлопотать об освобождении от этой повинности, чего по предъявлении в местном комиссариате бумаги из Смольного мне удалось добиться мгновенно.

От других общественных работ, как очистка улиц и дворов от нечистот, фекалий и т. п., которыми большевики замучивали голодную интеллигенцию, мне удавалось освобождаться, посылая вместо себя кого-либо другого или откупаясь от этой обязанности врученным управдому куском хлеба.

Но особенно нелепым являлось распоряжение власти назначать на ночные дежурства у ворот вместо дворников поочередно всех обитателей дома, не исключая и женщин.

Мне рассказывала одна знакомая, получившая такое тепличное воспитание, что по вечерам не решалась даже выходить без провожатого на улицу, как ей пришлось однажды на дежурстве защищать ворота от вторжения какого-то «товарища» и, в конце концов, бежать, переполошив своими криками весь дом.

¹² Действительно, до революции, я неоднократно помещала во «Всемирном» произведения талантливых начинающих писателей из народа, ставших впоследствии видными советскими литераторами. У меня же начал свою литературную деятельность и прославившийся нынче в СССР Валентин Катаев.

¹³ Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ) была создана по инициативе М. Горького в Петрограде в 1920 году, занималась также материальным обеспечением литераторов.

Во избежание таких случаев подобные «стражи» зачастую охранялись мужьями или кем-либо другим из близких или во двор дома подвешивался большой колокол, которым «дежурная» давала знать жильцам об опасности.

IV. Тибетский талисман и нитка жемчуга

Среди петроградцев ходили слухи, что власть умышленно заполняет время населения бесчисленными повинностями и отнимает у него этим последние силы, дабы не дать возможности употребить их на какие-либо выступления против нее. Действительно, большевики не давали покоя никому. Согласно приказу, для обмена паспортов на трудовые книжки¹⁴, граждане обязаны были являться в комиссариат лично.

На этот раз я решила не отговариваться болезнью, и, явившись в местный Совет, мне пришлось стать свидетельницей многих забавных сцен.

Это был, пожалуй, первый от сотворения мира случай, когда еще молодые женщины, дабы избежать трудовой повинности, старались доказать, что они старухи. Для этого заявлялось, что прежний паспорт утрачен во время обыска или грабежа, и выдававшим трудкнижки приходилось только изумляться молодости советских гражданок. Если ложь переходила уже всякие границы, выдача документа откладывалась до наведения справок, не дающих результатов, ибо администрация дома обычно покрывала такой обман.

Но все это осложняло обязанности выдающих новые документы полуграмотных товарищей, заставляя их иногда задавать гражданам анекдотические вопросы.

Предложив мне назвать свою профессию и услышав, что я редактор, меня спросили:

– Грамотная?

Опубликование декрета о сдаче населением государству золота и драгоценных камней меня не беспокоило, так как наиболее ценные, хранимые мной в сейфе предметы уже были реквизированы. При мне оставалось только несколько мелких вещиц и нитка старинного жемчуга, зарытая мной между корнями стоявшей в спальне пальмы.

Но главное, за что я боялась, это был унаследованный мною от прабабушки тибетский талисман, который, к счастью, нельзя было отнести к драгоценностям, так как он был сделан из оксидированного серебра. Согласно оставленным прабабушкой записям, он был получен ею некогда от буддийского монаха, приписывавшего этой вещи свойства мистического значения¹⁵, и являлся уникай¹⁶¹⁷. Я дорожила талисманом больше, чем всеми своими драгоценностями, но, не предполагая, чтобы им могли заинтересоваться солдаты и матросы, считала излишним прятать его, а на всякий случай придумала иной способ оберечь от посягательств. Укоротив цепь, на которой он был надет, я велела спаять ее на себе так, чтобы она не могла быть снята.

Несколько обысков прошло после этого благополучно, талисмана не видели или, заметив, не придавали ему значения. Но однажды во время ночного вторжения в квартиру, когда два солдата занялись в кабинете разборкой книжных шкафов и письменного стола, осматривавший в спальне шифоньерку матрос спросил у меня:

– Золотой цепочки и креста на себе не имеете?

¹⁴ В октябре 1918 года Совнарком России издал Декрет о трудовых книжках для нетрудящихся, в котором провозглашалось, что труд является обязанностью граждан и вместо паспортов и удостоверений личности теперь будут использоваться трудовые книжки. Поскольку речь шла о нетрудящихся, в трудовую книжку вносились сведения о выполнении возложенных на «нетрудящийся элемент» общественных работ. Лица, не имеющие трудовых книжки, могли быть оштрафованы на тысячу рублей или подвергнуты тюремному заключению на срок до полугода.

¹⁵ Дает победу в борьбе, безболезненную смерть в глубокой старости и позволяет казаться людям таким, как желательно его носителю.

¹⁶ Желая узнать истинное назначение и происхождение талисмана, я, уже будучи за границей, предъявляла его в восточный отдел парижской колониальной выставки, в музеи разных стран, где имеются специалисты – ученые, востоковеды и антиквары, но никто не мог разрешить интересующих меня вопросов, указывая, что видят такую вещь впервые. Все, что удалось мне услышать, – это что талисман, несомненно, тибетского происхождения и изготовлен, по-видимому, для какого-то особого, неизвестного европейцам таинства.

¹⁷ Уникальная в своем роде вещь, единственный экземпляр.

– Нет.

Увидав, что шея моя окутана, и заподозрив обман, он попросил меня снять шарф.

Пришлось повиноваться.

– А это что у вас? – удивился он, увидав массивную серебряную цепь, на которой был надет зашитый в мех талисман.

– Это не драгоценность, – ответила я, – простой серебряный талисман.

– Снимите.

– Он не снимается – цепь спаяна.

Матрос заинтересовался еще больше.

– Это зачем же?

– Чтоб не потерялся. Он не представляет никакой ценности, но я ношу его из суеверия, – сказала я, делая вид, что не придаю вещи особого значения.

– Разверните.

– Интересная штука, – сказал матрос, с любопытством осматривая талисман. – Я плавал в Японии и в Китае, а таких не видал. Придется вам сдать его, хоть он и не золотой.

– Но он не может считаться драгоценностью и не снимается, – повторила я.

– Ничего, утром я приведу слесаря, а там уже разберут, как с ним быть.

Тогда, увидав, что спасти талисман можно лишь героическим средством, я, понизив голос, сказала:

– Вот что, товарищ, вам эта вещь денег не принесет, а если вы оставите ее мне так, чтобы никто не знал, я взамен предложу вам другую, которую вы можете продать за большую сумму.

Говоря это, я знала, что рискую, ибо, во-первых, матрос мог оказаться некорыстным и арестовать меня за предложение взятки, а затем, я, конечно, не была гарантирована, что, получив ее, он не возьмет талисмана или не заявит о нем в комиссариат.

Однако, оглянувшись на дверь, матрос также пониженным голосом быстро спросил:

– Что же это будет?

Я молча подошла к стоявшему у окна цветку и, выкопав из земли жемчуг, подала матросу.

Он жадно схватил его, еще раз обернулся на дверь и стал рассматривать кольцо. Потом, спрятав жемчуг в карман, кашлянул и нарочито громким голосом спросил:

– А в печах у вас ничего не спрятано, гражданка? Некоторые такими хитростями думают скрыть вещи, а потом еще недовольны, что им отвечать приходится за это.

Обыск закончился на рассвете, а в восемь часов я была уже у слесаря. Разрезав цепь, я поехала на дачу, где закопала талисман в саду, неподалеку от зарытого там же кортика мужа.

Матроса я больше не видела, и в комиссариат он не донес, по-видимому, удовольствовавшись взяткой.

V. «Террор испытали бы на собственной шкуре»

В начале лета (1918. – *Примеч. ред.*) я получила из Смольного предписание доставлять журнал для просмотра комиссару печати, агитации и пропаганды лично. Комиссаром в те дни был Володарский, и имя этого, еще совсем молодого человека, прославившегося своей жестокостью и ненавистью к прежнему строю, пользовалось в Петрограде не меньшей популярностью, чем имя Ленина.

В партийных кругах причиной этой популярности являлось умение митинговыми речами и погромными статьями в «Красной газете»¹⁸ (первым редактором которой он состоял) толкать матросов и солдат на самые зверские расправы с офицерством и другими идейными врагами, а среди обывателей – его бесчисленные любовные похождения.

Большевики называли его «гениальным оратором»; в действительности же он не был красноречив, но говорил с большим пафосом, вызванным той же ненавистью к прошлому.

Так как обычно журнал после моей подписи отправлялся в Смольный типографией, новое распоряжение показалось мне странным, но отчасти и порадовало: я решила воспользоваться случаем заговорить с комиссаром об одной из его митинговых речей и указать на недопустимость террора и гонения на интеллигенцию.

Поступить так я считала себя обязанной как руководительница боровшегося с жестокостью общества, действия которого, как и всех других, были приостановлены, но которое нелегально продолжало функционировать.

Явившись в Смольный и пройдя в кабинет комиссара, я увидела за столом элегантно одетого молодого человека с нервным до болезненности лицом. Встретил он меня крайне сурово, но, перелистав журнал, сказал:

– Сработано чисто, придаться не к чему, а все-таки, – уже улыбаясь добавил он, – от закрытия вас спасает только финское издательство¹⁹. Случай заговорить на интересующую меня тему представился скорее, чем я ожидала, и я поторопилась воспользоваться им...

– Разрешите, комиссар, сказать вам несколько слов?.. Быть откровенной? – спросила я. Володарский окинул меня быстрым, удивленным взглядом.

– В чем дело?..

Упомянув о том, что я не однажды слышала на митингах его речи и читала фельетоны, вооружающие народ против военных и интеллигенции, я стала говорить о невозможности построить без них «новый мир», о том, что террор компрометирует идею социализма, может вызвать бесконечную гражданскую войну и т. п.

– От вас зависит многое, – закончила я, – прекратите эту травлю в печати, эти вызываемые ею бесцельные убийства – и вы увидите благие результаты этого очень быстро.

Володарский выслушал мою речь не прерывая, внимательно и с любопытством на меня глядя.

– Да, – сказал он, – результаты этого мы бы, действительно, испытали быстро, только на собственной шкуре. Мне бы, конечно, не следовало разговаривать с вами об этом, но я отвечаю вам, потому что вы искренни. Не только враждебные нам военные круги, но даже либеральная, способствовавшая углублению революции интеллигенция является для нас обузой, с которой мы, к сожалению, временно вынуждены мириться. Старую идеологию из вас можно выкурить только пороховым дымом, что мы делали и будем делать до победного конца, то есть до миро-

¹⁸ Печатный орган Петроградского комитета партии большевиков и Петросовета, основан в январе 1918 года В. Володарским. «Красная газета» выходила до 1939 года, а затем была объединена с «Ленинградской правдой».

¹⁹ «Весь мир» издавался финским акционерным обществом «Слово», а финские граждане и их имущество находились тогда под защитой германского консула.

вой революции. Нам нужны дети, молодежь и рабочие. Первых двух мы воспитаем в ненависти к капиталистическому строю и ко всей его лицемерной морали, вторые идут и будут идти за нами, потому что им это выгодно. Что касается террора, то вы рассуждаете о нем как женщина, притом враждебного нам класса. Революционные здания склеиваются кровью, а не розовой водицей, в которой мы, как и наши предшественники, в два счета утонули бы вместе с нашей революцией.

– Но, значит, и примкнувшие к вам идейно только потому, что воспитывались согласно «другой идеологии», рано или поздно все же не избегнут участи ваших врагов? – ошеломленная словами комиссара, спросила я.

– Революция требует жертв, – уклончиво ответил он, – и мы обязаны действовать в ее интересах.

– А что подумает о таких «жертвоприношениях» Европа?

– Ну с этой мы, когда понадобится, поладим. Несколько подачек быстро зажмут ей рот, – презрительно ответил Володарский, вставая и этим показывая, что аудиенция кончена.

Однако с этих пор каждый раз, когда я представляла ему журнал, он, просматривая его, уже сам заговаривал на затронутую мной в первое свидание тему, иронически указывая, что, вероятно, я на месте власти «с миром отпускала бы восстающих против нового строя врагов, для продолжения их деятельности».

Во время одного из таких разговоров, убедившись, что я все же продолжаю оставаться относительно террора при своем прежнем мнении, он шутливо сказал:

– Как это вы, при ваших взглядах и смелости (которую он, по-видимому, усмотрел в том, что я «дерзнула» заговорить с ним о терроре), – не устроили досих пор белогвардейского заговора?

– Если вы не измените вашей тактики, может быть, это еще впереди, – ответила я в тон ему.

– Ну, не советую вам даже думать об этом, – возразил Володарский с угрозой, – вам известно, как расправляемся мы с нашими врагами, какой бы невинной личиной они ни прикрывались.

В другой раз, просматривая привезенные мной в гранках статью и номер «Всего мира», в котором в числе других были снимки с каких-то старинных картин, он вдруг спросил:

– Мне говорили, что у вас есть картина Рубенса?

– Да, но является ли она оригиналом, это еще не установлено, – ответила я, встревоженная вопросом.

– Тогда надо это установить и реквизировать ее у вас для одного из коммунальных музеев.

– Но мне заведующей жилищным отделом выдал удостоверение, что как работник умственного труда я освобождаюсь от реквизиций.

– Мало ли какие ошибки делают еще наши товарищи по неопытности. Наша обязанность исправлять их.

И, вручая мне номер, добавил:

– А со статьей я хочу ознакомиться подробнее и поэтому оставляю ее у себя дня на два.

– Когда можно прислать за ней?

– Послезавтра около девяти вечера я буду проезжать мимо вашего дома в редакцию «Красной газеты» и завезу ее вам. Кстати, лично посмотрю на Рубенса и так ли худо живется в коммуне буржуазным писателям, как об этом кричат наши враги.

– Вы получите ложное представление об условиях их жизни. Ведь только я по причинам, о которых вы можете справиться у того же заведующего жилищным отделом, освобождена от реквизиции и вселения.

– Причины эти мне давно известны, – улыбнулся комиссар, – и если бы я не знал о них, не стал бы и разговаривать с вами.

И заметив мое смущение, со свойственной коммунистам подозрительностью, поняв его иначе, чем следовало, добавил:

– Только имейте в виду, если со мной что-нибудь случится у вас на квартире при входе в ваш дом или выходе из него, вы ответите за это по всей строгости революционного времени.

– Но ведь не я приглашаю вас заехать ко мне, – возмутилась я. – Я не могу ручаться за ваших активных врагов, которых, как вам известно, у вас достаточное количество. Назначьте час, и я пришлю к вам за статьей человека.

– Послезавтра к девяти я буду у вас. А то, что я сказал, вы все-таки запомните и почаще повторяйте вашим единомышленникам, которых ужасает террор.

В день приезда Володарского, считая картину обреченной, я была в очень подавленном настроении. Днем у меня происходил тщательный обыск, продлившийся на этот раз почти до вечера, и я никак не могла погасить в душе чувство бессильной злобы, что вопреки своей воле вынуждена буду принимать у себя убийцу.

Пока мы встречались в официальной обстановке и он являлся объектом моих наблюдений, свидания с ним не были мне так неприятны, да и помимо этого кто мог поручиться за случайность, когда этот моральный виновник бесчисленных убийств был ненавидим населением Петрограда.

Но случайность, которой я опасалась, действовала на этот раз в моих интересах. Вечером часа за два до приезда комиссара ко мне забежал один из моих сотрудников, чтобы сообщить сенсационную новость: «Володарский убит брошенной в его автомобиль бомбой».

VI. «Убивайте и детей, и стариков»

После этого выступления террор, как и можно было ожидать, усилился, достигнув настоящей бойни в конце августа.

Вероятно, в предвидении новых террористических актов незадолго до этого была произведена регистрация бывших офицеров царской армии. Это явилось свойственным советской власти орудием – ловушкой, в которую попались многие, ибо по этим спискам впоследствии производились аресты.

Как только был убит Урицкий²⁰, в одной из советских газет появилась статья, призывавшая «революционных матросов и солдат не щадить классовых врагов будь то старики или дети, ибо их не переделать и они всегда останутся врагами народа...»

Призыв панически настроенной, дрожавшей за свою жизнь власти воздействовал, и в дома враждебных кругов ринулись пьяные толпы матросов, солдат и просто озверевшей черни.

На этот раз в число пострадавших попали и мои близкие, юный, также зарегистрировавшийся офицер и... двенадцатилетний мальчик²¹.

– Бери и этого щенка, все одно вырастет – против народа пойдет, – сказал арестовавший офицера, едва стоявший на ногах, пьяный матрос другому потрезвее.

Все мои протесты, угрозы, что я обращусь непосредственно к Зиновьеву и даже Ленину, которые не оставят безнаказанным ареста ребенка, не привели ни к чему, а когда я, схватив мальчика за плечо, не хотела его отпустить, мне вывихнули руку, пригрозив, что если еще буду сопротивляться: «Прикончим вас всех на месте».

Опуская подробности дальнейшего и мученической смерти арестованных, я расскажу лишь о моих попытках освободить их²². Разрешения на въезд в Кронштадт, куда, как мне удалось узнать, отвезли их с Гороховой, выдавались в это время районным советом очень неохотно, поиски по тюрьмам осложнялись отношением уже деморализованных часовых, набравшихся в большинстве из «преданных революции».

Впрочем, среди последних тогда еще встречались и не утратившие человеческих чувств.

Помню, как на кронштадтской пристани осматривавший пропуск часовой, узнав зачем я приехала, тихо сказал:

– Много нынче таких приезжает сюда...

И, как бы извиняясь за свои обязанности, добавил:

– Я ведь сам тоже из прежних, на фронте был, отличия имею, да вот теперь тут поставили.

На пустынных улицах Кронштадта было жутко. Устрашенные матросскими зверствами, обыватели предпочитали не показываться, и лишь кое-где встречались группы пьяных матросов.

На обращенный мною к встретившейся женщине вопрос, как найти военную тюрьму, она, пояснив, добавила:

– Только лучше к морю идите: в тюрьмах никого не осталось, всех вчера перебили.

И шепотом стала рассказывать, как родные убитых и утопленных, пренебрегая опасностью быть арестованными, разыскивают близких; о том, как накануне какая-то старушка, узнав в одном из подплывших к берегу изуродованных трупов своего сына, бросилась в воду, вцепилась в него, да так ко дну вместе с ним и пошла.

²⁰ Председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий был убит 30 августа 1918 года Леонидом Каннегисером. В тот же день в Москве Фанни Каплан покушалась на жизнь В. И. Ленина. Эти события послужили поводом к ужесточению «красного террора», массовым расстрелам противников советской власти.

²¹ Мой муж избежал этой участи лишь потому, что не зарегистрировался и отсутствовал.

²² После издевательств и пыток вместе с другими четырьмястами, в числе которых находилось много подростков и шесть стариков-священников, они были расстреляны на форте «Константин», у Кронштадта.

Вероятно, в связи с целью моего приезда от этого рассказа, от этих странно-пустынных улиц, от непривычно-наглых лиц встречавшихся матросов, группа которых, остановившись, бросила мне вслед несколько циничных фраз, настроение мое стало еще тягостнее.

Мне чудилось, что самая атмосфера этого дорогого мне по воспоминаниям города, где я бывала невестой, эти немые стены, видения гонимых на пытки мучеников, среди которых могли быть и те, которых я искала, пропитаны пережитыми ими ужасами.

Однако все мои старания освободить арестованных оказались напрасными и запоздалыми, ибо в то время, когда я еще продолжала хлопотать об этом, властью были опубликованы списки расстрелянных, в которых значились и их имена...

«Справедливый» революционный суд над неповинными уже совершился.

Но останавливаться долго на своих личных переживаниях ни у кого тогда не было времени, что отчасти для многих, в том числе и для меня, являлось спасительным.

Хотя лично я все еще продолжала стоять в благо-приятных условиях, однако работа моя с каждым днем осложнялась все больше и больше. Ряд сменявшихся после убийства Володарского комиссаров забрасывал все новыми и новыми требованиями, из которых одним из самых тяжелых явился переход на новую орфографию. Приходилось проводить ночи за переправкой уже ранее принятых мною и вновь поступавших рукописей, так как типография отказывалась взять эту работу на себя, а приглашать для нее новое лицо в момент, когда тираж журнала вследствие нарушенного транспорта и других условий упал почти наполовину, тоже не представлялось возможным. Притом буржуазные издания закрывались одно за другим, и я, желая облегчить безвыходное положение все прибывавших ко мне оттуда новых сотрудников, набрала их столько, что у меня оставалось уже в обрез ассигнуемой издателями на журнал суммы.

Принес мне тогда же для напечатания свои литературные воспоминания и бывший редактор журнала «Ежегодник Императорских театров» барон Н. В. Дризен, имя которого, как будет видно дальше, связалось для меня с новым несчастьем.

Становившаяся с каждым днем все ожесточеннее борьба за существование и необходимость разрушать ежеминутно воздвигаемые властью преграды к добыванию примитивно необходимых предметов и продуктов не позволяли населению опомниться, прийти в себя, сосредоточиться на чем-нибудь.

Большинство петроградцев питалось тогда знаменитой «пшенкой» и воблой, избранники судьбы – кониной, а иногда и собачиной, которую под видом «молодого барашка», а подчас даже не скрывая происхождения «ножки», спекулянты продавали голодавшим.

В погоне за продуктами приходилось ездить за сотни верст от Петрограда, сбившись как стадо в кучу, на полу обледеневших товарных вагонов, простаивая по суткам в поездах среди занесенных снегом полей, так как для паровозов не хватало топлива.

Это было время, когда с петроградских дворов и улиц совершенно исчезли поглощенные людьми лошади и собаки, а с черных лестниц во множестве обитавшие там и столь любимые обывателями кошки.

Недостаток, а временами и полное отсутствие топлива, электрического освещения и воды (вследствие замерзания труб), выкачивание собственными средствами хлынувших в ванны из засоренных труб нечистот являлись штрихом, дополнявшим красоту коммунистической жизни петроградцев 1918–1922 годов.

VII. «Революционная справедливость»

Не так жила в эти, да и во все последующие годы власть, в чем мне впервые пришлось убедиться тогда лично.

Желая облегчить условия пересылки журнала в провинцию и избежать, хлопоча об этом, бесконечных хождений в комиссариат, я позвонила на дом к комиссару почт и телеграфов Зорину²³, попросив его назначить мне день для переговоров.

Комиссар был нездоров, не выезжал и лишь после настойчивых просьб принять меня разрешил явиться в Дом Совета²⁴ на другой день в пять часов.

Недослышав, я приехала в час, и, так как контора вестибюля уже с утра получила распоряжение пропустить меня, я беспрепятственно прошла в указанный мне третий этаж.

Здесь все осталось по-старому: центральное отопление, бархатные дорожки на лестницах и нарядная, встретившаяся на пути горничная в наколке, предупредительно указавшая мне комнату комиссара.

Я постучала в дверь, но ответа не получила.

– Наверно, не заперто, вы войдите, – посоветовала горничная.

Открыв дверь, я очутилась в обычной для отеля комнате, разделенной перегородкой на прихожую, спальню и салон.

– Можно войти? – спросила я, остановившись, но, снова не получив ответа, прошла дальше.

Видимо, не ожидавший никого, комиссар сидел за письменным столом без пиджака с куском шоколада в руке.

Он был так изумлен моим появлением, что некоторое время смотрел на меня молча, оставаясь неподвижным, а я, воспользовавшись этим, успела заметить, что перед ним стояла большая рюмка и наполовину опустошенная бутылка коньяку «Мартель», а на стуле рядом наполненный плитками шоколада ящик с надписью «Крафт».

Опомнившись, комиссар быстро протянул руку к настольному телефону, видимо, желая позвонить.

– Вы разрешили мне, товарищ комиссар, явиться к вам сегодня по делу моего журнала. Я – редактор «Всего мира», – поторопилась я успокоить его.

Комиссар опустил руку.

– Но ведь я же сказал вам прийти в пять, а теперь час, – резко сказал он, вставая и направляясь ко мне.

Недоразумение быстро разъяснилось, и, вероятно, для того, чтобы я поскорее ушла, все время загораживавший собою стол и оттеснявший меня к дверям, комиссар обещал удовлетворить мою просьбу.

Опасаясь, что обещание это не будет исполнено имевшим причины быть озлобленным на мое несвоевременное появление сановником, я была приятно удивлена, получив на третий день после моего визита необходимое разрешение.

Через две недели утром, в то время когда я отдавала по телефону типографии распоряжения относительно очередного номера журнала, рассыльный принес мне пакет из Смольного:

²³ Зорин Сергей Семенович (наст. имя Александр Гомбарг или Гомберг) (1890–1937) играл видную роль в большевистской верхушке Петрограда периода Гражданской войны. С 1906 года он жил в эмиграции за рубежом, в основном в США, где сблизился с Л. Троцким и вернулся с ним в Россию после Февральской революции. В 1918 году Зорин занял пост комиссара почт и телеграфов Северной коммуны, также возглавлял Революционный трибунал Петрограда, а позже стал ответственным секретарем Петроградского городского и губернского комитетов РКП (б).

²⁴ Дом Совета – «Астория» – до революции один из наиболее фешенебельных отелей Петрограда, где в описываемое время обитало большинство представителей новой власти.

«За нарушение декрета о титулах²⁵, – прочла я в нем, – журнал «Весь мир» закрывается навсегда».

Это явилось для меня новым неожиданным ударом, ибо ко всему сулило еще такие же материальные лишения, какие уже давно переживали мои коллеги и знакомые.

Я решила попытаться отстоять «Весь мир» и направилась в Смольный.

В приемной Комиссариата по делам печати меня встретила на этот раз секретарь нового комиссара, бывшая сестра милосердия, Васильева.

– Вы, вероятно, по поводу закрытия журнала? Так это напрасно. Товарищ комиссар уже говорил мне, что сделать ничего не может, что существование в коммуне такого «баронского» журнала невозможно.

Но я настаивала на объяснении и наконец убедила Васильеву доложить о моем приходе.

Новый комиссар²⁶ – такой же молодой человек, как и Володарский, – встретил меня почему-то улыбаясь.

– Я вела журнал при советской власти в течение целого года, продолжая подписывать его, как и до революции, вместе с фамилией и титулом, и не получала распоряжения изменить подпись. Допуская это, разве Комиссариат печати, несколько раз вы дававший мне разрешения на издание, не нарушал вместе со мной декрета, – сказала я возбужденно, уверенная, что против такого аргумента невозможно найти возражений.

– Вы правы, – спокойно ответил комиссар, – конечно, и мы нарушали декрет, но ведь в данном случае последний является только предлогом для закрытия журнала. Нам нужна для печатания революционных брошюр бумага, которой у нас нет, а так как заготовленная для вашего журнала принадлежит финнам, и поэтому, пока существует «Весь мир», мы не могли бы ее получить, то я и вынужден был к чему-нибудь придраться.

– Вы находите это справедливым? – только и нашлась я возразить на это откровенное признание.

– Революционная справедливость имеет свои особые законы, – ответил комиссар.

Все, чего могла я добиться, – это разрешения на выпуск двух уже отпечатанных номеров.

Таким образом, перестал существовать и «Весь мир», закрытый последним из дореволюционных петроградских еженедельников.

Оставшись без работы, которая не только давала мне средства к существованию, но живость и ответственность, которая не позволяла сосредоточиваться на моих скорбных мыслях и заполняла мелкими заботами все более и более ломавшуюся жизнь, я совсем затосковала. Один за другим разыскивались мои близкие и знакомые: одни – еще в начале революции успели бежать за границу, другие – погибли от лишений и в тюрьмах, третьи – были расстреляны.

Порадовало меня известие, что большевикам все же не удалось реквизировать бумагу «Всего мира»: германский консул поставил у склада охрану, и, явившиеся за ней, они вынуждены были уйти, приобретя впоследствии эту же бумагу по очень высокой цене.

Вручая мне за два месяца вперед последнее жалованье, заместитель уже уехавших в Финляндию издателей «Всего мира» также ободрил меня уверением, что большевики «продержатся только до нового года и журнал снова начнет выходить не позже половины января».

Я цеплялась за эту надежду и, еще не успев изведать лишений, радостно следила за развалом жизни, за все нарастающим вокруг негодованием на действия власти.

²⁵ Моя редакторская подпись и барона Дризена под его литературными воспоминаниями, которые помешала я в последних номерах.

²⁶ Речь идет об Ионове Илье Ионовиче (наст. Фам. Бернштейн) (1887–1937), младшем брате З. И. Лилиной, второй жены Г. Е. Зиновьева. И. Ионов принимал участие в революционном движении, с 1908 года отбывал каторгу и ссылку в Сибири, после 1917 года руководил издательской деятельностью большевиков в Петрограде, первый заведующий Петрогосиздатом. Он сам увлекался сочинением стихов, поддерживал знакомство с С. Есениным.

VIII. Я поступаю на фабрику

Бездействие томило меня. Затеянное группой профессоров издание журнала «Научное слово», в литературном отделе которого меня просили принять участие, за отсутствием читателей прекратило существование после первого же номера, и я снова осталась без работы.

В начале февраля я прочла в «Красной газете», что культурно-просветительный отдел Экспедиции заготовления государственных бумаг²⁷ предполагает издавать журнал. Заинтересовавшись, какого типа будет издание, я позвонила на фабрику и узнала, что журнал предполагается исключительно литературный, аполитичный, редактора еще нет, а инициаторы-работчие не знают, как приступить к составлению номера.

Услыхав, что я бывший редактор «Всего мира», мой собеседник очень обрадовался и просил меня зайти к нему для переговоров, на каких условиях согласилась бы я редактировать новое издание.

Я, конечно, не заставила себя ждать, и хотя переговоры с заведовавшим культурно-просветительным отделом и не вполне удовлетворили меня, все же привели нас к соглашению.

Через две недели после доклада о них фабричному комитету (вопрос должны были решить стоявшие во главе этого комитета рабочие-коммунисты, привлеченные в эти дни на фабриках «к насаждению культуры») я получила от Экспедиции приглашение занять место «секретаря журнала и заведующей его литературно-художественным отделом».

На мое указание, что меня приглашали редактором, а не секретарем, мне ответили, что это лишь форма: официальным редактором должен быть коммунист.

– Кто же этот редактор? – осведомилась я, не совсем довольная таким оборотом дела.

– Наш же рабочий, товарищ Скопов. Он у нас нынче лицо важное – член Петроградского Совета. Но хоть по своим взглядам он и настоящий коммунист, а все-таки человек порядочный – нас в обиду не дает. Да вы не бойтесь, – заметив мое недовольство, успокоили меня, – он в ваше дело мешаться не будет, потому ничего в нем не понимает, да и в грамоте не силен.

Это заявление несколько успокоило меня, тем более что в общем все складывалось необычайно удачно: служба на фабрике помимо жалованья давала возможность для разъездов по делам пользоваться автомобилем и лошадью, богатым заводским кооперативом, хлебным и другими пайками.

Энергично принявшись за набор материала для «Новых искр», – как называли рабочие журнал, – я, конечно, привлекла к участию в нем виднейших из своих прежних сотрудников, выхлопотав им даже авансы.

Однако непрерывное вмешательство в незнакомое ему дело не «слабого в грамоте» редактора, а заведовавшего отделом тормозило мою работу, и убедившись, что просьбы о предоставлении мне в журнале обещанной самостоятельности остаются безрезультатными, я решила действовать иначе. С риском потерять место я отправилась в фабричный комитет, чтобы просить у занимавших там ответственные места рабочих-коммунистов, с которыми мне еще не приходилось встречаться, освободить журнал от попечения его главного инициатора.

Не без тревоги ждала я, когда меня примет глава «фабкома», 28-летний председатель-слесарь, настолько занятый заводскими и партийными делами, что свидания с ним мне удалось добиться лишь через несколько дней.

²⁷ Экспедиция – одна из крупнейших петроградских фабрик, как мне впоследствии с гордостью говорили рабочие, – «в городе город». Великолепно оборудованная, она имела редкую библиотеку, школы, церковь, театр и оркестр, причем в двух последних выступали в качестве артистов и композиторов и рабочие, печатала помимо бумажных денежных знаков дорогие священные издания. Поставленные по сравнению с другими в благоприятные условия, рабочие этой фабрики отличались и большей культурностью, хотя все же и здесь среди стариков и вновь поступавших был достаточный процент едва грамотных.

Произведенное на меня им и его окружением впечатление было наилучшим. Не верилось, что эти, в большинстве так мало походившие на темных русских рабочих, по-европейски одетые коммунисты еще не так давно стояли у станков.

Принята я была любезно, выслушана внимательно и ушла вполне удовлетворенной, ибо мне не только обещали устранить все тормозившее работу, но даже пригласили на заседание Культурно-просветительного отдела.

С этого дня я действительно стала вполне самостоятельной распорядительницей журнала, тем более что заведовавший отделом вскоре после этого покинул Экспедицию и его место занял другой рабочий-наборщик. Это был достаточно культурный человек, вполне доверявший моему опыту и знаниям, и скоро у меня установились с ним, как, впрочем, и со всеми другими представителями отдела и фабкома, самые лучшие отношения.

О доверии ко мне не только как к редактору можно судить из того, что, будучи в большинстве «партийными», при мне жестоко высмеивали коммунизм и власть, называя себя «сахариновыми» коммунистами.

– Но зачем же вы вошли в партию? – спросила я однажды.

– Чтобы спасти фабрику от развала. Если бы среди ее рабочих не нашлось своих коммунистов, прислали бы со стороны чужих – и тогда у нас начался бы тот же разгром, что и всюду, да и мы бы, пожалуй, не уцелели.

Вообще, как пришлось мне убедиться впоследствии, среди служащих и рабочих Экспедиции приблизительно до 1924 года царили самые реакционные настроения, и мне не однажды приходилось слышать:

«Белые придут, возьмем оркестр и пойдем во главе с вами встречать их».

Такие веяния были, конечно, хорошо известны находившимся среди рабочих чекистам, но... Экспедиция производила деньги, вырабатывала для них бумагу, и за нею до поры до времени усиленно ухаживали, глядя сквозь пальцы на ее отвлеченные грешки.

– Мы теперь сила, – смеясь и не без самодовольства сказал мне как-то председатель фабкома. – Забастуй мы надолго – чем бы платить стали армии и рабочим? Разом бы коммуне конец пришел.

– Отчего же вы не сделаете этого?

– Духу не хватает, потому еще до конца коммуны вся фабрика к стенке бы стала.

Приобщившись к культурным интересам и жизни рабочих и дивясь их равнодушию к затеянному ими журналу, я скоро узнала, что заставило издавать его.

«Чтобы втереть очки начальству (власти). Пусть видят, как энергично взялись мы за проведение на фабрике культуры».

Мало интересовала рабочих и возможность помещать в отведенном для этого отделе журнала свои произведения, хотя я приказала расклеить на фабрике анонс, приглашавший «желающих развивать свои литературные дарования являться ко мне».

Пришли очень немногие, и среди предложенного мне материала не было ни одного не только талантливого, но даже просто хорошо грамотного рассказа или стихотворения.

Зато по темам можно было судить, как «отстали» рабочие этой фабрики от коммунистического настоящего. Молодежь писала о любви и розах, а старики об ушедшей молодости и о смерти.

Впрочем, нашелся один юный коммунарь, токарь, который принес мне, по его словам, «социальные» стихи следующего содержания:

Слава, слава коммунизму,
Он нас к счастью приведет,
Понимает очень ясно
Это всякий идиот.

Нас гноил царизм проклятый,
А теперь нам будет рай,
Если только не задушит
Капитал нас невзначай.

На мое указание, что помимо других главным недостатком стихов является двоякий смысл третьей и четвертой строк и что лучше было бы перефразировать их: «понимает это ясно даже каждый идиот», – он обиделся и пошел жаловаться на меня в фабком.

Когда меня спросили, в чем дело, я прочла стихи, и там очень смеялись, обещая разъяснить незадачливому поэту истинный смысл указанной мною фразы.

Хуже было со стариком «из народа», занимавшим в Экспедиции интеллигентное место, по наружному виду представлявшим настоящего джентльмена, в действительности же необычайно тупого и менее культурного, чем многие из рабочих.

Он принес мне толстую тетрадь своих стихов, страдающих полным отсутствием ритма, указывающих, что у их автора нет и признаков свойственного даже непоэтам слуха и какой бы то ни было душевной чуткости.

– Вы увидите, какие это замечательные стихи, – сказал он, передавая мне рукопись, ответ о судьбе которой я под разными предложениями откладывала вплоть до того времени, пока журнал не прекратил существования.

Это отсутствие дарований ставило меня в очень затруднительное положение, ибо не поместить ни одного произведения рабочих в рабочем журнале было, конечно, невозможно.

Пришлось не обрабатывать, а взяв данную тему, писать на нее, подписывая произведение фамилией доставившего его автора.

Но равнодушие Экспедиции к своему журналу и томительная медлительность в его выполнении вызывались еще и другими причинами. Мастерские постепенно эвакуировавшейся фабрики, занятые спешными казенными заказами, главным образом, выработкой бумажных денег, не имели достаточно средств для одновременного производства других, тем более не столь важных работ.

Жизнь здесь также ломалась до основания. Снимались стоявшие на месте по пятьдесят лет машины, отправлялись вместе с ними рабочие и их семьи. Некоторые в чаянии лучших условий²⁸ уезжали охотно; другие, не желая расставаться с Петроградом и привычной обстановкой, в которой родились и провели жизнь, негодовали; в семьях третьих происходили драмы, так как зачастую жены не желали следовать за мужьями.

Когда я хотела приступить к составлению номера, фабричный комитет поручил мне отправиться к Луначарскому и Лилиной²⁹, чтобы просить у них статьи для журнала.

«Если, начиная издание, пренебрежем ими, это повредит журналу и нам», – объяснили фабричные коммунисты необходимость обратиться к комиссарам.

Мне предстояло совместить несовместимое, то есть, не испортив журнала нежелательной издателем «политикой», обратиться за статьями к тем, для кого она являлась вопросом жизни.

Я решила указать комиссарам якобы желательные рабочим темы: «О народных университетах» и «О детских яслях».

²⁸ Продовольственный вопрос в Москве и Пензе, куда эвакуировалась Экспедиция, был значительно лучше.

²⁹ Жена Зиновьева, комиссар социального обеспечения.

IX. «Поставить вверх ногами»

Луначарского я застала в Наркомпросе, где мне бесконечно долго пришлось ждать приема.

Услыхав, что я представительница рабочих Экспедиции и прошу статью для их журнала, комиссар оживился.

– Статью о народных университетах? Да, да, это очень хорошо. Я и сам давно хотел писать об этом. На днях я пришлю ее. Я ведь недавно был в Экспедиции. Вы знаете? А вы чем занимаетесь там?

После длительного, не имевшего прямого отношения к цели моего прихода разговора об искусстве я поняла, почему этого «наркома» даже свои называют «блаженным».

На мой вопрос, какой революционный критерий существует для определения качества художественного произведения, Луначарский совершенно серьезно ответил мне фразой, которую привожу дословно:

– Чтобы правильно судить о достоинстве произведения, его надо осмотреть подробно со всех сторон, поставить, так сказать, вверх ногами, и, если оно и в таком виде не утратит красоты, значит, с революционной точки зрения совершенно.

На Лилину я имела личные виды, то есть, пользуясь свиданием, хотела просить разрешения открыть Этическое общество.

Явившись в «Соцобез»³⁰, я застала в приемной около ста человек.

Уверенная, что придется ждать так же долго, как у Луначарского, я все же подала стоявшему у дверей кабинета курьеру свою визитную карточку, слегка зачеркнув на ней слово «баронесса».

Не прошло и пяти минут, как ко мне подошла какая-то служащая и со словами: «Комиссар Злата Ионовна просит вас подождать здесь», – повела меня в другую комнату.

– Иначе вас неудобно было бы принять без очереди, – любезно пояснила она, провожая меня другим ходом в кабинет комиссара.

Я посмеялась про себя над этим проявлением равенства, тем более что неоднократно замечала, как импонируют комиссарам титулы.

Лилина, еще не старая, с безличным лицом, взглянув на мои дорогие меха, которые я демонстративно надевала при посещении разных «комов», улыбнулась и любезно пригласила меня сесть.

– Что же вы хотите от меня?

Я объяснила.

– А кто будет участвовать в журнале?

– Немирович-Данченко, Гнедич и другие.

– Но при чем же здесь я? – сделала гримасу Лилина. – Ведь это все буржуазные писатели.

– В журнале будет отдел «Наука и жизнь», для которого Луначарский даст статью о народных университетах, а вас рабочие просили написать о детских яслях.

Объяснение успокоило комиссара, статья была обещана, и, закончив деловой разговор о журнале и об Этическом обществе, я просила уделить несколько минут для разрешения интересующих меня лично вопросов.

– Пожалуйста.

– Несколько лет назад, – сказала я, – в одном из прежних изданий был напечатан мой фантастический рассказ³¹, предугадавший многое из происходящего сейчас в России. В насто-

³⁰ Комиссариат социального обеспечения.

³¹ Рассказ этот – «Когда смертные станут бессмертными» – был напечатан за четыре года до революции в газете «Новое

ящее время я пишу другую, подобную же вещь, но, так как я не знакома с учением Маркса и могла бы в деталях исказить идеи социализма, нарисовать не вполне отвечающие грядущей жизни картины, мне бы хотелось знать, как рисует будущее коммунизма воображение людей, приступивших сейчас в России к его осуществлению. Как будет жить человечество в идеальной коммуне, когда эта последняя станет уже именоваться «Земным миром».

По-видимому, комиссару никогда не приходилось задумываться о таком далеком будущем, и поэтому мой вопрос застал его врасплох. Не отвечая на вопрос прямо, Лилина с растерянным видом стала говорить что-то совсем непонятное.

– Я не понимаю, что вы хотите?.. Ну, все будет сыты... У человека же не два желудка... Никто не съест больше, чем он может...

И потом, очевидно вспомнив «великих учителей», забросала меня трафаретными фразами:

– Минимум рабочих часов... Государственные дети... Воспитание совместное, одинаковое для всех... Да, самое лучшее, прочтите Бебеля «Общество будущего»...

Когда я уходила, Лилина сказала:

– Вы заинтересовали меня вашим «пророческим» рассказом; где я могу достать его?

Я обещала прислать рассказ вместе с уставом Этического общества.

Явившись через неделю, чтобы узнать, могу ли рассчитывать на открытие последнего, и будучи снова принята вне очереди, я застала в кабинете Лилиной нескольких профессоров.

– Я сейчас, только просмотрю свою статью и отпущу их, – небрежно кивнула она головой на стоявших у ее стола ученых.

«Отпустив» профессоров и вручив мне свою рукопись, Лилина сказала:

– Относительно же общества должна сказать, что у вас слишком буржуазные понятия о морали и ваша «новая этика» мало чем отличается от старой.

То, что в буржуазном мире считалось нравственным, – у нас часто вызывает отвращение.

– Что же именно? Что считаете вы особенно безнравственным, комиссар, в прежних понятиях?

– Конечно, культ Бога и души, мистика, которой дурманят головы народов капиталистическая мораль и верные ей попы всех религий. Брак с навязанной людям пожизненной верностью.

– Значит, супружеская верность должна быть временной? На какой же срок? – поинтересовалась я.

– Ну, конечно, пока существует влечение.

– Но есть темпераменты, у которых оно гаснет так же мгновенно, как вспыхивает, и если считаться только с физической стороной сближения, не станет ли связь людей подобна звериной?

– Тем лучше. Мы многому должны учиться у животных, так как они ближе к природе и не отравлены выдумками возникших на народном теле паразитов, – ответила Лилина, которую этот разговор, по-видимому, начинал нервировать. – Но сейчас у меня нет больше времени разговаривать с вами. Почитайте побольше нашей литературы, тогда вам станет ясной и вытекающая из нее мораль.

– А мой рассказ я могу получить обратно? Как вы нашли его?

– Рассказ – ничего себе. Вы можете его получить в Госиздате у моего брата ИONOва. Я дала ему прочесть. Там действительно есть кое-что схожее с настоящим, но это кормление... – улыбнулась она, как бы шокированная.

– Утрировка простительна, потому что рассказ ведь фантастический.

– Да, конечно.

На Ионова, однако, моя «фантазия» произвела иное впечатление.

– Эта вещь с ее «общественными питальнями», где граждан кормят женским молоком, – гневно сказал он мне, возвращая рукопись, – это злобная карикатура на исторические события настоящего. За эту чепуху вас надо бы упрятать туда, где вы имели бы время раньше, чем говорить Лилиной о сходстве, подумать над своими словами.

Но я и так уже прозрела, дивясь своему и Лилиной ослеплению, ибо в связи с голодом и другими дарованными коммунизмом благами рассказ действительно являлся злейшей сатирой на происходящее.

Х. «Можете спокойно работать»

После бесконечных проволочек первый номер «Новых искр» был наконец сверстан, и, не дождавшись статьи Луначарского, я направилась с ним в Смольный к комиссару печати, который осенью закрыл «Весь мир».

Вращаясь полгода в коммунистических рабочих кругах, хорошо осведомленных о характерах и даже интимной жизни представителей власти, я уже знала теперь, что этот комиссар, младший брат Лилиной, за «соглашательские тенденции» считался в партии меньшевиком, но очень ценился ею за свое революционное прошлое, за исключительный агитаторский талант, за большую смелость, проявленную им при стычках с белыми воинскими частями (в Красном Селе), при бегстве из Сибири и в других случаях, и знание языков, позволяющее ему при помощи перечисленных качеств агитировать в иностранных войсках и среди иностранных рабочих. (Впоследствии он рассказывал мне уже лично, что в дни первой революции 1905 года, он, шестнадцатилетним мальчиком, принимал участие в мятеже, что был арестован и вместе с другими сослан в Сибирь. Пробыв там десять месяцев, бежал в Америку (где в момент рассказа проживали его мать и сестра) и там при помощи революционных организаций поступил на фабрику, чтобы агитировать среди американских рабочих. После Октябрьской революции, вызванный в Петроград, занял место комиссара печати, агитации и пропаганды и редактора «Красной газеты», но не сделал, невзирая на близость к Зиновьеву, большой карьеры, ибо проповедовал соглашательство с враждебными классами и был сторонником – «пока коммуна прочно встанет на ноги» – частной торговли.)³²

В частной жизни, как и большинство правителей СССР, он славился своей страстью к вину, балету и его представительницам.

Приехав в Смольный, я убедилась в справедливости слов председателя фабкома о могуществе Экспедиции, ибо заявив, что я представительница ее рабочих, была принята комиссаром на этот раз мгновенно.

Он встретил меня, как и в первое свидание, улыбаясь и говорил со мной так, будто я была его старинной знакомой.

– Вы должны благодарить меня за то, что я закрыл ваш «Весь мир», – сказал он.

– Почему?

– Потому, что тогда вы были редактором буржуазного журнала и находились всегда под угрозой неприятности, а сейчас, будучи на службе у рабочих, да еще Экспедиции, можете спокойно работать, если, конечно, – добавил он, – не станете интриговать против нас.

– Я живуча, – ответила я, – и даже все, что принесла мне ваша революция, не заставляет меня еще искать смерти.

Комиссар промолчал и, перелистав номер, просил меня заехать за ним через неделю.

– Может быть, мне придется дать вам какие-нибудь указания.

– Ведь «Новые искры» журнал не политический, а какие же иные указания могут понадобиться мне, в течение семи лет редактировавшей пять больших журналов.

– Вы вели буржуазные издания, а не рабочие, а это большая разница. В ваших же интересах доставлять мне не только номер, но и очередной материал в гранках для следующих.

Сдав через неделю «одобренный» комиссаром номер в печать и имея надобность бывать в Экспедиции и в Комиссариате печати не более раза в неделю, я уехала на дачу под Петергоф.

В этом году здесь была настоящая пустыня, местами виднелись полуразрушенные постройки, от великолепной, расположенной неподалеку от моей дачи торчали только обуг-

³² В этом месте С. Аничкова перемешала отдельные факты из биографий И. Ионова и С. Зорина, также как и их должности и посты в революционном Петрограде.

лившиеся столбы. Она была сожжена солдатами вместе с засевшими там двумя офицерами, отказавшимися сдать оружие. Зато в крестьянских избах с подслеповатыми оконцами появились пианино и гигантские пальмы.

Отсутствие топлива заставило Совет, в ведении которого находились тогда дворцовые оранжереи, оповестить местных жителей о распродаже находившихся там тропических растений, но явившиеся поглазеть на них крестьяне, конечно, ничего не купили, и тогда им предложили взять растения бесплатно.

XI. Я получаю командировку к Ленину

В эти летние дни у коммунистов шла борьба с белыми за «Красную Горку»³³. Прислушиваясь к доносившейся оттуда оружейной стрельбе, как и многие все еще убежденная в непрочности большевистской власти, я надумала просить фабком устроить мне немедленно командировку в Москву, «чтобы успеть увидеть Ленина», а главное, если свидание с ним состоится, просить его дать мне ответы на интересующие меня вопросы о будущем коммунизма³⁴. Я направилась в Экспедицию, где меня ждала неприятная новость: Скопов распечатал присланный на мое имя Луначарским пакет и распорядился поместить в «Новые искры» находившуюся там статью, говорящую к тому же не о «народных университетах», а о кознях иностранной буржуазии.

На мой протест и указания, что мне было обещано «не касаться журнала» и что именные пакеты не имеет права распечатывать никто, я получила наивный ответ:

– Мы же знаем, что у вас с товарищем Луначарским секретов нет, а вызывать вас из-за такой глупости не стоило. Все одно не напечатать статьи наркома мы не могли бы, какая б она ни была.

Объяснение меня не удовлетворило, и сторяча я даже хотела заявить, что ухожу из Экспедиции, но мысль о моем безвыходном тогда материальном положении и о том, что в таком случае я лишусь возможности говорить с Лениным, помогла мне сдержаться. Я обратила все в шутку и направилась к председателю фабкома просить о командировке.

Однако уговорить его, до сих пор беспрекословно выполнявшего все мои желания, на этот раз оказалось нелегко; он отговаривался тем, что это зависит не только от него, и согласился лишь после того, когда я сказала.

– Вы ведь всеильны на фабрике, вам и так никто не решится возражать, а тем более если вы укажете, что подношение Ленину первого номера «Новых искр» может быть полезным для рабочих.

– Уговорили! – засмеялся польщенный председатель. – Это действительно будет неврдно для фабрики. Если первые номера уже готовы, вы можете ехать в Москву вместе с уезжающим туда на днях председателем московского фабкома Богдановым.

Удача моих хлопот несколько вознаградила меня за неприятность со статьей, и довольная я вернулась на дачу.

Но здесь меня ждал новый сюрприз: она оказалась разгромленной, причем и на грабеже сказались особенности переживаемого момента. По-видимому, грабителем явился кто-нибудь из местных крестьян, страдавший от недостатка мануфактуры и продуктов, ибо, не тронув бронзы и других ценных вещей, вор польстился на одежду и провизию.

Через несколько дней после этого я получила от председателя фабкома все необходимые для поездки в Москву документы, выданные мне как редактору³⁵ «Новых искр».

Удивило меня только, что в мандате была указана иная, чем в действительности, цель командировки, но на мой вопрос об этом председатель с улыбкой пояснил.

– Вы ведь все-таки классовый враг, душа которого, по пословице, – потемки. Вам, может, вздумается убить Ленина, а мы, пославшие вас к нему, отвечай тогда. С этим мандатом вам

³³ В июне 1919 года вспыхнуло антибольшевистское восстание гарнизонов фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь», расположенных на южном берегу Финского залива близ Петрограда. Восстание было быстро подавлено частями Красной Армии при поддержке кораблей Балтийского флота.

³⁴ В эти дни я начала писать большой фантастической роман на социальные темы. Первая часть не содержала в себе чего-либо антикоммунистического. А последующие я предполагала закончить «после падения большевиков».

³⁵ Я уже давно, по желанию фабкома, была официально произведена из секретарей в редакторы, причем Скопов остался политическим редактором.

открыта дорога в Кремль, и я вас уполномочиваю побывать там, но из осторожности предпочел не упоминать об этом.

Перед отъездом я познакомилась с моим спутником – коммунистом Богдановым.

И по внешности, и по содержанию, это был типичный, очень темный мастерской прежнего времени. В былые дни он состоял в партии социал-революционеров, был выслан из Петрограда и, вернувшись, проживал здесь нелегально с ведома местного околоточного, которого, по его словам, в благодарность за это во время революции спас от самосуда.

В назначенный для отъезда день мы с завидными для того времени удобствами, то есть в автомобиле и с казенными билетами, явились на вокзал. Как командированным по делам службы нам предоставлялось право ехать в «мягком» вагоне, но так как это было в разгар транспортной разрухи, мы едва попали и в «твердый», переполненный рабочими и крестьянами.

Дорогой мой провожатый все время пил спирт, который рабочие СССР, особенно занимающие ответственные посты, поглощают в небывалых до революции количествах, предпочитая его более слабой водке – «рыковке» —

Наш предком – товарищ шустрый —
Жарит речи что шарманка,
Днем – «помилуй, Ленин, мя»,
Вечерами – пьянка.

слышала я от одного рабочего.

– А кто сочинил этот стишок? – спросила я у него.

– А кто его знает. По всей фабрике ходит.

В Москву мы прибыли ранним утром.

– Вы можете остановиться на фабрике, если не побоитесь ночевать одна, – сказал Богданов. – Там все еще разгромлено и никто из наших не живет. Я, было, поместился в уцелевшем доме, но нынче тоже переезжаю в город.

Так как выбора у меня не было, пришлось согласиться.

В невероятно грязном полуразрушенном особняке бывшего директора фабрики нас встретила жена Богданова, совсем простая деревенская баба, молодая и очень антипатичная.

Окинув меня неприветливым взглядом и даже не поздоровавшись, она ушла с мужем в соседнюю комнату и громко сказала:

– Откуда еще такую фрю выкопал? Били, били, да, видно, еще для разводу оставили.

– Тише, – прикрикнул на нее председатель, – она – наша служащая.

ХII. Ночь tête-à-tête с неизвестным

Первые московские впечатления были не из приятных, тем более что взятая мною на дорогу провизия вышла, торговля существовала только на далеких толкучках, и я вынуждена была довольствоваться лишь доносившимся из кухни председателя аппетитным запахом щей и жареного мяса, которых мне, конечно, не предложили.

Такое положение вытекло из моего неведения условий московской фабрики и того, что я просила фабком выдать мне «командировочное довольствие» деньгами, предполагая приобрести в заводском кооперативе все необходимое. Но на получение там продуктов у меня не было времени, ибо мне сообщили, что единственный фабричный автомобиль уже выезжает в город и если я не хочу идти в Кремль за отсутствием иного сообщения пешком, должна ехать немедленно.

Так как на путешествие туда и обратно пришлось бы потерять не менее четырех часов, а обстановка фабрики не располагала к длительному пребыванию в Москве, я, утомленная бессонной ночью и неудобствами пути, все же предпочла остаться без завтрака, но выяснить в этот день хотя бы приемные часы Ленина.

В четырехместный автомобиль набилось семь человек; ехать некоторое время пришлось по высокому, крутому берегу реки, и перегруженная, испорченная машина ежеминутно останавливалась или делала скачки, заставлявшие опасаться ее падения вниз.

У ворот Кремля мне сказали, что желающие попасть на прием к Ленину должны являться к девяти часам утра.

Доставивший меня автомобиль уже уехал, связей с Москвой я почти не имела и, подумав, решила направиться к знакомым (с которыми не виделась и не переписывалась уже больше года), чтобы достать у них «взаймы» до завтра какую-нибудь пищу и отдохнуть.

Путешествие мое длилось почти полтора часа, а когда я наконец достигла цели, мне сообщили, что те, кого я спрашивала, уже полгода как выехали из Москвы.

Между тем бессонная ночь и голод начинали сказываться в охватившем меня вдруг утомлении и сонливости.

Тогда я вспомнила об одной из бывших сотрудниц «Всего мира», очень в эти дни бедствовавшей, но живущей не более как в полчаса ходьбы от меня, и решила направиться к ней.

Ее я застала дома, но она могла предложить мне только стакан чаю из сушеной малины и за отсутствием хлеба кусочек такой соленой воблы, которой есть я не могла.

Услыхав, в какую обстановку попала я в Экспедиции, она предложила мне отправиться с ней немедленно в семью инженера, у которого служила, чтобы просить ее приютить меня на время пребывания в Москве.

– Только, – добавила она, – хватит ли у вас сил дойти туда? Они живут на другом конце города.

Это привело меня в отчаяние: мне, вообще, никогда не приходилось много ходить, и даже прогулки по Петергофскому парку казались далекими, а путешествие через всю Москву несколько раз в день было, пожалуй, по силам не каждому и в иных условиях.

– Попытаюсь, – ответила я. – Ужаснее всего, что, если даже ваши знакомые согласятся оставить меня у себя, я не могу этим воспользоваться сегодня. Утром, торопясь, я не успела засвидетельствовать в фабричном комитете документы и обязана выполнить эту формальность завтра до поездки в Кремль.

У инженера все устроилось удачно: меня напоили чаем с хлебом и, уговорившись, что утром переселюсь в нанятую комнату, около десяти часов вечера я двинулась в обратный путь.

– Предупреждаю вас, только, – сказал мне на прощанье инженер, – что свидания с Лениным вы не добьетесь. Я имею сношения с Кремлем, отлично знаю его порядки, и мне известно,

что после покушения на жизнь Ильича к нему с трудом проникают даже лица пролетарского происхождения.

Предсказание было неприятно, но впоследствии заставило меня действовать сообразно с ним.

На этот раз путь мой лежал по малоосвещенным, а местами и вовсе темным улицам. Москву я знала плохо, и поэтому мне приходилось обращаться за указаниями к редким прохожим. Не знаю, умышленно или невзначай, но дважды мне указали ложное направление, и, потратив много времени на блуждание, я явилась на фабрику в первом часу ночи.

Председатель, по-видимому, уже съехал, так как входные двери были раскрыты настежь, вокруг было темно, тихо и жутко. Но утомление так притупило все мои ощущения, я была так счастлива, что, наконец, могу лечь и уснуть, что, когда зажженная мной в прихожей спичка осветила стоявшего там человека, я почувствовала страх только потому, что явилась новая помеха моему отдыху.

Молодой, прилично одетый человек представился мне рабочим Экспедиции и пояснил, что также прибыл из Петрограда и, не имея еще постоянного помещения, узнав о выезде председателя, явился сюда переночевать.

Перспектива провести ночь в расположенном вдали от жилья доме наедине с неизвестным человеком, когда в дверных замках не было ключей, а убийства были в порядке вещей, в другое время показалась бы мне ужасной, но сейчас я осталась к этому совершенно равнодушной.

К счастью, неизвестный оказался далек от черных замыслов и даже предложил мне поставить найденный им на кухне самовар и угостить имевшимся у него чаем.

Отказавшись от всего, не раздеваясь я бросилась в постель и мгновенно уснула. Однако сон на лишенной каких бы то ни было постельных принадлежностей кровати не освежил меня: на утро я встала разбитой, ноги мои от непривычной ходьбы распухли и мучительно ныли, и только мысль о невозможности оставаться дальше в этой обстановке могла вынудить меня двинуться в комитет.

Здесь мне сообщили, что автомобиль окончательно развалился и в Кремль придется идти пешком.

Это известие ошеломило меня, ибо, помимо того что сулило новые физические испытания, вынуждало снова отложить свой визит к Ленину, так как явилась бы я туда еще с большим опозданием, чем накануне.

Примирившись с неизбежным и устроив свои служебные и продуктовые дела так, чтобы до отъезда мне уже не пришлось являться в Экспедицию, я не торопясь двинулась в город и, явившись в свое новое помещение, впервые за жизнь оценила те блага цивилизации, которыми пользовалась до сих пор, не замечая их.

ХIII. «Я в Союзе то же, что Ильич»

На другой день я была у Кремля задолго до указанного часа. Зная, что за мной, как и за всеми искавшими с Лениным свидания, следит недремлющее око Чека³⁶, я постаралась по возможности отклонить от себя подозрение в неблагонадежности. Для этого, пользуясь тем, что природа не наделила меня солидной внешностью, я надела очень яркий нарядный туалет, внушавший мысль, что настроения его носительницы не могут ужиться с террористическими замыслами.

Внимательно просмотрев мой мандат и другие документы, после длительного допроса и некоторого колебания чекист, в последний раз окинув меня испытующим взглядом, выдал мне восемь пропускных билетов³⁷. Билеты эти отбирались стоявшими на моем пути караулами, пока я, наконец, попала в канцелярию, где чекисты снова просматривали мои документы и допрашивали меня.

Достигнув последнего этапа – дверей приемной Ленина со стоявшим у них часовым и начальником караула – я вручила им пропуск и, ответив на вопросы, очутилась в комнате, где находилось несколько посетителей.

За столом разбирал бумаги молодой человек, по-видимому, секретарь, и я, подойдя к нему и предъявив документы, стала объяснять цель своего посещения.

– Мне поручили рабочие поднести товарищу Ленину первый номер издаваемого на их средства журнала и просить для следующего статью по экономическим вопросам, – пользуясь данной мне председателем на словах *carte blanche*, сказала я.

И снова фраза «рабочие Экспедиции» произвела обычное действие, ибо секретарь сразу стал приветлив и после просмотра документов, попросив меня обождать, направился с «Новыми искрами» в кабинет Ленина.

Я стала разглядывать посетителей, среди которых был китайский офицер в форме и много крестьян. Женщин кроме меня не было.

Через некоторое время секретарь вышел и, подойдя ко мне, громко, словно афишируя перед присутствующими свои слова, сказал:

– Ильич очень благодарен рабочим за подношение. Журнал ему понравился, и после заседания он примет вас обязательно, чтобы узнать, что именно интересует рабочих видеть во втором номере.

Но прошло два-три часа, секретарь много раз входил в кабинет и возвращался, а обо мне и всех присутствующих как будто забыл.

В это время из кабинета вышел Каменев и, подойдя к стоявшей посреди приемной группе крестьян в лаптях и армяках, сказал, что они могут изложить свои просьбы ему.

Крестьяне хором ответили, что уполномочены миром повидать Ленина и лично с ним поговорить о своих нуждах.

– Значит, насчет чего мы сомневаемся... Так ему самому, чтобы...

– Вы можете обо всем этом говорить со мной, – ответил им Каменев, садясь за стол.

Но крестьяне, переминаясь с ноги на ногу, продолжали настаивать:

– Неудобно, значит, кому другому, как мы уполномочены миром к самому Ильичу...

Тогда Каменев, рассердившись, уже резко сказал:

³⁶ ЧК, ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР) была создана 7 (20) декабря 1917 года.

³⁷ Многим предъявившим мандаты других учреждений было отказано в пропуске.

– У меня нет времени долго разговаривать с вами. Я в Союзе то же, что Ильич, и также могу разрешать все вопросы³⁸.

Дальнейших возражений крестьян я не слыхала, так как в эту минуту ко мне снова подошел секретарь:

– Сейчас уже четыре часа, – сказал он, – Ильич очень устал и просит вас зайти через два дня.

Я, конечно, не могла выразить своей досады и, поблагодарив секретаря за разрешение, простилась с ним.

В назначенный день я направилась в Кремль, где на этот раз просмотр моих документов был поверхностным, но от секретаря я вновь услышала:

– Ильичу сегодня нездоровится, опять начала беспокоить рана, полученная им во время покушения на его жизнь. Зайдите завтра.

В течение целой недели я бывала в Кремле ежедневно, но свидание все откладывалось.

В одно из таких посещений я явилась невольной причиной ареста стоявшего на посту красноармейца. Заезавшись, он забыл взять у меня пропуск, я прошла мимо, не обратив на это внимания, и очутилась у дверей приемной не с одним, последним, а с двумя.

Увидав это, часовой доложил начальнику, и тот, допросив меня, тут же телефонировал, чтобы оплошавшего караульного арестовали.

Памятуя, что от секретарей при всех режимах зависит многое, и узнав, что этот интересуется литературой, я подарила ему сборники своих стихов и рассказов.

Он был очень доволен этим, стал расспрашивать меня о моей прежней деятельности и просил высылать ему «для родных и знакомых по десяти экземпляров каждого номера «Новых искр»».

В разговоре я откровенно созналась, что свидание с Лениным интересует меня не столько из-за получения статьи для журнала, как по личным причинам.

– Вы, конечно, видели в «Новых искрах» анонс о том, что со второго номера там начнет печататься мой роман «Коммуна – Земной мир»? Так вот для дальнейшего развития его мне необходимо получить точные сведения о том, как рисует будущее коммунизма его творец.

Услыхав, что начало рукописи я привезла с собой, секретарь посоветовал захватить ее на другой день в Кремль.

– Вечером я пробегу сам, а при случае, может быть, мне удастся показать ее Ильичу. Он иногда, чтобы отвлечься от дел, читает беллетристику.

³⁸ В 1919 году Л. Б. Каменев не мог произнести фразу «Я в Союзе то же, что Ильич», поскольку Союз Советских Социалистических Республик был создан только в 1922 году.

XIV. Чекистский «стиль»

В следующий после передачи романа приезд секретарь заявил:

– Послезавтра Ильич вас примет: он чувствует себя значительно лучше, вчера брал в Горки ваш роман и нашел его очень занимательным. Я говорил ему, что вы хотели бы получить от него указания относительно будущего коммуны.

Через день, принятая секретарем, как обычно, в приемной, я была направлена им обратно в канцелярию, где чекисты просматривали документы.

Там меня попросили подождать в смежной комнате.

На этот раз ожидание показалось мне еще томительнее, чем в первый приезд. Часы я забыла дома, а справляться о времени у чекистов мне не хотелось.

Наконец, потеряв терпение, я решила напомнить о себе и вышла в канцелярию. Она была пуста, а наружная дверь оказалась запертой на ключ.

«Не арестована ли я? – мелькнула у меня мысль. – Может быть, роман показался Ленину такой же сатирой на коммунизм, как Ионову мой рассказ».

Но через некоторое время в канцелярии послышались шаги, и на пороге появилась маленькая полная женщина с подносом, уставленным всевозможными яствами.

– Скажите, что это значит, почему меня заперли здесь как арестованную? – спросила я у нее.

– Что вы, товарищ, что вам вздумалось! Уходя обедать, товарищи всегда запирают дверь канцелярии на ключ. Я вот принесла вам обед, потому что, – добавила она, с улыбкой глядя на меня, – вам, может быть, придется ждать еще очень долго. Ильич воспользуется какой-нибудь внезапно освободившейся минутой и позовет вас. А чтобы вам сейчас не было скучно без дела, я пришло вам газеты. Там, кстати, есть его последняя статья.

И, любезно кивнув мне головой, женщина ушла, а через четверть часа мне принесли целую пачку советских изданий.

Однако время шло, от скуки я уже пробежала почти все газеты и успела вздремнуть, а меня не звали.

Когда начало темнеть, ко мне снова явилась «товарищ Роза» (как назвала себя женщина на мой вопрос об имени) в сопровождении двух девушек, несущих ужин, чай и постельные принадлежности.

– Вам придется переночевать здесь, товарищ, – сказала она, – потому что Ильич может вызвать вас самым поздним вечером или ранним утром.

– Но зачем же ночевать? – изумляясь все больше, спросила я. – Ведь не позовет же он меня ночью, а утром я могу прийти, когда вы скажете.

– Нет, он может позвать именно и ночью, и в шесть часов утра, – уже нетерпеливо и очень решительно оборвала меня Роза, – и если вас не будет под рукой, тогда вам придется ждать свидания с ним, может быть, несколько месяцев.

Я была озадачена. В тоне чекистки так явственно звучало нечто недоговоренное, но что именно – я никак не могла догадаться. С одной стороны, со мной обращались как с дорогим гостем, с другой – как с арестованной.

Я решила не возражать, тем более что провести ночь в жарко натопленной, светлой комнате, на старинном мягком диване, с безукоризненным постельным бельем (на котором виднелись чьи-то инициалы с короной) было не так уж худо, если бы не отсутствие часов.

Я сказала об этом Розе, и она тотчас же, сняв с руки браслет с часами, положила его передо мною. Потом, приказав девушке принести из канцелярии письменные принадлежности, шуточно сказала:

– Может, вдохновитесь и вздумаете писать, так чтоб у вас здесь все под рукой было.

Такая необычайная для чекистов любезность поражала меня, и, теряясь в догадках, после ухода Розы я принялась за поданный мне великолепный ужин.

Неприятно было лишь одно: когда, собираясь ложиться, я хотела закрыть дверь, ключа в ней не оказалось. Но утешив себя мыслью, что провести ночь в наполненном чекистами Кремле безопаснее, чем где-либо, я легла и утомленная быстро уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.